

УДК 130.2

DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-4-24-31

Маргарита Вениаминовна Силантьева,*Московский государственный институт международных отношений**(г. Москва, Россия),**e-mail: kfmgimo@gmail.com***Социальная транспарентность и личные границы: парадоксы глобальной культуры**

Актуальность изучения проблемы социальной транспарентности определяется тем, что открытость (или «прозрачность») границ выступает одной из ключевых формул глобальной культуры, основанной на высоких технологиях и достижениях «информационного общества». Среди перспективных путей её обсуждения – рассмотрение концепции «сетевой идентичности» сквозь призму теорий «прозрачного общества» Д. Брина и «акторно-сетевой теории» Б. Латура. Цель их сопоставления – уточнить ценностные основания и перспективы становления «сетевой идентичности» в контексте антропологических сдвигов современности. Методология, избранная для философско-культурологического анализа данных вопросов, представляет собой комплексный междисциплинарный подход, сочетающий категориальный анализ, приёмы философской герменевтики и контент-анализ сообщений средств массовой коммуникации, отражающих подробности внедрения новейших информационных технологий (на примере КНР). Новизна полученных результатов состоит в выявлении связи упомянутых выше теорий с фундаментальным пересмотром «информационным обществом» содержания концепта «свобода» и установлении его принципиальной вторичности по отношению к категории «общественная безопасность» (тем самым нивелируется трактовка свободы как ценности). Другим результатом понимания глобальной идентичности как по преимуществу сетевой является установление её жёсткой связи с технологиями распознавания. Вследствие этого происходит пересмотр понимания личности как «лица», ответственного за «изначальный дар свободы». «Лицо» теперь – это концентрированный сгусток социальных взаимодействий, рамочная реализация «открытой приватности». Тем самым «лицо» лишается права на ошибку, а его интерпретации дистанцируются от принятого в доинформационную эпоху этического понимания и приближаются к сугубо правовому.

Ключевые слова: философия культуры, социальная транспарентность, «прозрачное общество», акторно-сетевая теория, информационные технологии, глобальная идентичность, сетевая идентичность

Margarita V. Silantieva,*Moscow State Institute of International Relations**(Moscow, Russia),**e-mail: kfmgimo@gmail.com***Social Transparency and Personal Boundaries: Global Culture Paradoxes**

Relevance of social transparency research is determined by the fact, that openness (or “transparency”) is one of the key formulas of global culture based on high technologies and “information society” achievements. Among promising directions of its deliberation is “network identity” concept consideration through a prism of D. Brin’s “transparent society” theory and “actor- network theory” by B. Latour. Their comparison purpose is clarification of value basics and prospects of “network identity” establishment in the context of modern anthropological shifts. Methodology chosen for a philosophic and culturological analysis is a comprehensive interdisciplinary approach, combining categorical analysis, philosophical hermeneutics techniques and content analysis of communication media messages, reflecting details of latest information technologies introduction (by the example of China). Novelty of results obtained consists in revelation of mentioned above theories connection with a fundamental reconsideration of “freedom” concept content by “information society” and establishment of its secondary role to “public security” category. Thereby freedom interpretation as a value is being leveled. One more result of global identity understanding as network identity for the most part is ascertainment of its rigid connection with recognition technologies. Thus an individual conception as a “person” responsible for “primordial freedom gift” is being reconsidered. A “person” now is a concentrated bundle of social interactions, framework realization of “open privacy”. Thereby a “person” is deprived of room for mistake and his interpretations wander from an ethical understanding common for pre-information age and approach particularly legal understanding.

Keywords: philosophy of culture, social transparency, “transparent society”, actor-network theory, information technologies, global identity, network identity

Введение. Актуальность темы социальной транспарентности в связи с обсуждением

проблемы личности определяется значением более широкого вопроса о свободе как

© Силантьева М. В., 2019

соотношении личного и общественного. Для «современного» человека, то есть человека, осознающего свою принадлежность к «глобальному человечеству» и приобщённость к достижениям научно-технического прогресса, этот вопрос перерастает в практику взаимодействия с новыми информационными технологиями, и как следствие, с теми антропологическими изменениями, которые являются неизбежными следствиями такого взаимодействия.

Пережив в социальных катастрофах XX века «соблазны свободы», европейская культура к началу XXI века в очередной раз осознала себя через парадокс свободы и необходимости. При этом концепт свободы, в массовом сознании имеющий двойственные коннотации, с помощью новых коммуникационных технологий XXI века прочно слился с концептом виртуальности. Этот «философский диполь» породил исключительно гибкие софистические тезисы, позволяющие «закрепить» в массовом сознании предпочтительный характер «нижних» уровней совпадения возможности и действительности в виртуальном мире (игры). А заодно – прочно разделить их при обсуждении материальных (объективированных) взаимодействий вне игровой виртуальности (скажем, в цифровой экономике, политике и т. д.). Таков, например, тезис о новом уровне «подлинной свободы», обеспеченном наличием социальных сетей, чья структура соответствует идее беспрепятственной горизонтальной коммуникации и принципу субсидиарности – возможности максимально «нагрузить» принятием и проведением в жизнь ответственных решений нижние и средние этажи власти [26].

Интересно, что тема свободы оказалась на пересечении обсуждения проблем информационного общества, связанных с «новой антропологией» и «новыми ценностями», а также горизонтом дискуссий о специфике релевантной им социокультурной идентичности в *скрытом виде*. Как правило, речь при этом идёт о «сетевой идентичности» и новом понимании социальной группы. Так, **неклассическое** видение проблем идентичности отрицает само существование «группы» как позитивного в политическом и культурном смысле феномена. Особое значение приобретает этот подход в контексте дискуссий, рассматривающих противоречие глобального и национального на современном этапе [20, с. 283–298, 389–400].

Оформившийся в ходе подобных дискуссий неклассический ракурс предполагает

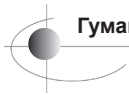
исследовать «устойчивые связи людей, сетей и организаций в разных национальных государствах» с точки зрения их влияния на интернациональные сетевые отношения [33, с. 1–3]. Вместе с тем сетевые акторы не рассматриваются как атомизированные индивиды либеральных теорий: «сетевая» идентичность предполагает возможность полностью контролировать реальную идентичность, меняя её в свободном режиме [7 – ср.: 3; 12; 21; 22; 25; 27; 28; 34], в том числе формируя «альтернативные сетевые идентичности» [6]. Транспонируясь вовне, «сетевая «личность»» способна воспроизводить модель сетевого поведения в реальной жизни, перенося в неё характерное для интернет-общения понимание свободы и виртуальности даже в контексты социо- и этнокультурной определённости [9; 15].

По всей видимости, сама возможность категоричного противопоставления личности и общества в свете сказанного теряет смысл: личность воспринимается как проекция многовекторных социальных взаимосвязей и взаимодействий; многоуровневая динамическая сеть, не имеющая собственной устойчивой определённости. То есть – свободы в классическом понимании: свободы как способности «начинать цепь причинения с самого себя».

Как следствие, вопрос о границах личности перерастает в изучение описанных выше сетей, ключевой характеристикой которых является «отсутствие фреймов» (точнее, их постепенное, но последовательное «вымывание» из культуры общения), которое Б. Латур в своё время адресовал приматам [17].

Важнейшим механизмом, обеспечивающим поступательность такого «вымывания», является включение всё большего числа форм человеческой деятельности в систему информационного взаимодействия, – путём совершенствования форм и методов их информационно-технологического сопровождения. Социальная транспарентность, предоставленная подобными технологиями, выводит вопрос о границах личности в рамках «сетевой идентичности» на новый уровень.

Методология исследования основана на категориальном анализе и приёмах философской компаративистики, что позволяет выделить и сопоставить основное содержание понятий «социальная транспарентность» и «личность» в рамках двух философско-культурологических теорий – теории «прозрачного общества» и акторно-сетевой теории (Actor-network theory, ANT), описывающих процесс включения всё большего коли-

чества людей в процессы коммуникации на основе новых информационных технологий.

Результаты исследования и их обсуждение. Одной из наиболее интересных теорий, описывающих новый тип идентичности, соответствующий «дивному новому миру» торжества информационных технологий, является теория «прозрачного общества». Её название отсылает к публикациям американского писателя-фантаста Дэвида Брина, чьё футурологическое сочинение «Прозрачное общество» было издано в США: вначале, как сообщают справочники, в журнальном варианте (1996), позднее – отдельной книгой (1998). Этим сочинением Д. Брин фактически продолжил линию Ж.-Ф. Лиотара, рассуждавшего в конце 1970-х годов о путях «краха Большого Нарратива» [18]. Концепция Лиотара, в свою очередь, продолжает тему «археологии знания» М. Фуко [24]: «открытость информации» – лучший способ её «спрятать».

Однако вернёмся к концепции Брина. Согласно ей, повышение степени доступности средств коммуникации и наблюдения, а также способов обработки и хранения информационных данных ставят перед обществом вопрос о «пределах человеческого» как частного [29, с. 278–302]. «Дорога к открытости» [Там же, с. 325–330] пролегает через интенсификацию потоков информирования людей друг о друге (потенциально – каждого о каждом) [Там же, с. 89–107], реализуя стратегию «знание – сила». Что, в частности, позволяет производить «обратное наблюдение» – то есть наблюдать за наблюдателями, минимизируя возможности злоупотребления информацией [Там же, с. 85–88, 271–277].

В свою очередь, **акторно-сетевая теория (ANT)**, разработанная Б. Латуром, М. Каллоном и Дж. Ло, оценивает «новую идентичность» и степень её «персональности» под другим углом зрения, основанным на описании социального взаимодействия как объект-объектного отношения [16; 31; 36].

Сетевая идентичность таким образом выступает в обеих приведённых теориях в качестве одной из версий глобальной идентичности, фокусируя в себе, с одной стороны, достижения информационной революции и «расширяя» границы человеческого; с другой – устраняя из социально легитимированного научного дискурса персоналистическое (то есть основанное на свободе) понимание личности, при этом сводя его к чётко отслеживаемым объективациям – либо интерперсональным

(Д. Брин), либо интеробъектным «материально-семиотическим» (Б. Латур) связям.

Теория «прозрачного общества»

Д. Брина описывает девальвацию приватности как следствие воздействия «внешнего наблюдения», действительно ставшего сегодня в технологически продвинутых обществах нормой повседневности: достаточно вспомнить легальные устройства слежения, установленные в общественном (гипермаркеты, музеи, транспорт, людные улицы) и частном (радио- и видеоняни) пространствах. К настоящему времени также отчётливо определился вектор социально престижного стремления самих граждан к демонстрации деталей своей приватной и социальной жизни: например, распространение соответствующей текстовой, аудио- и видеоинформации в социальных сетях. Несколько фактов. Чуть более чем через 10 лет после публикации упомянутой книги Д. Брина возник такой род социальных сетей, как *Foursquare* (2009) и *Instagram* (2010) со встроенной функцией геолокации и так называемыми «Stories», «Историями» (посты, самоуничтожающиеся через 24 часа). К этому же времени относятся также такие мессенджеры, как *Snapchat* (2011) и подобные ему, позволяющие в режиме реального времени мгновенно выкладывать сообщения, фото- и видеозаписи о своём времяпровождении, а также отслеживать местонахождение и даже физическое расположение (сиду на стуле, иду и т. д.) других пользователей, с которыми ты связан в системе через принятие приглашения о контакте. По сути, речь идёт о прямой или косвенной трансляции случайной выборки событий жизни человека, а в перспективе – и всей его жизни, своего рода индивидуализированном «реалити-шоу».

Ещё раз подчеркнём: согласно Брину, в «прозрачном обществе» приватность не разрушается (что не мешает критикам Брина придерживаться прямо противоположной точки зрения [32; 35; 37; 38]). Напротив, она поддерживается за счёт информационных *противотоков*: публичное пространство (например, ресторан) даёт массу возможностей подслушивать и подглядывать, однако страх всеобщего осуждения в силу невозможности скрыть сами акты подглядывания и подслушивания исключает массовые злоупотребления этого типа. Политические проекции открытости выводят на концепцию гражданской «транспарентности», основанной на внедрении информационных технологий в публичное пространство, что подробно описано философами и художниками XX века.

Примечательны в данной связи концепция «прозрачного общества» Дж. Ваттимо [1; 2; 5] и эволюции демократии («полиархия») Р. Даля [13], а также нашумевший кинофильм Джеймса Понсольдта «Сфера» (2017), события которого основаны на одноимённом романе американского писателя Дэйва Эггерса (The Circle, 2013).

Анализ этих произведений показывает, что, согласно мнению их создателей, само понятие «идентичность» (как возможность персонализированного распознавания) в «прозрачном обществе» не лишено смысла. При этом главное отличие его интерпретации от понимания в другие исторические периоды состоит в требовании обязательной верификации индивидуумов с помощью технических средств, а также в отслеживании их взаимодействия с любыми объектами. Верификации подлежит и любая социально значимая коммуникация.

Социальная транспарентность в этом случае становится следствием реализации установки на общесоциумную безопасность в качестве ценностно-антропологического приоритета, представляясь *следствием* антропологически корректного существования человека. В то же время «личность» (напомним трактовку христианского персонализма, восходящую к Августину и Канту: свободное начало персональности, способное начинать цепь причинения с самого себя) выступает одной из возможных интерпретаций такого существования, вторичной по отношению к приоритетам коллективной безопасности.

Теперь перейдём к рассмотрению **акторно-сетевой теории** (ANT), которая, помимо прочего, стремится разрешить противоречие между *деятельностным* пониманием социальности и *структурализмом*. Подчеркнём: в ANT эта попытка осуществляется иначе, чем, например, в структуральной теории Э. Гидденса (сохранившего, как известно, идею структуры как динамического, но, тем не менее, чётко оформленного образования). Б. Латур, напротив, выдвигает тезис об отсутствии устойчивых социальных структур [16], противопоставляя ему фреймовый (то есть не просто структурный, но рамочный) характер сетевых взаимодействий, где условием рамочности выступает сложный (а не комплексный) тип социального поведения людей в отличие от других приматов [17, с. 93–95].

При этом техника, по мнению Латура, **всегда** объективирующая опосредованные отношения между людьми [Там же, с. 94], может быть рассмотрена как относительно

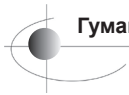
самостоятельная сеть «объект-объектных отношений», создающая своего рода «интеробъективность». Использование категории «личность» при таком подходе теряет смысл: если личность – результат акторно-сетевых взаимодействий («актант»), обнуляется предшествующая традиция интерпретации данного понятия, как и его претензия на универсальность. Степень «открытости» лица, составляющего на текущий момент времени очередной актант, будет зависеть от ряда факторов (социальных фреймов), но в любом случае именно степень открытости (а не наличие границ) определит состоятельность данного лица в качестве агента социального взаимодействия, признанного самим обществом [4; 10; 14].

Как следствие, социальная транспарентность выступает уже не следствием (как это было у Д. Брина), а условием самого существования человека в высокотехнологичном обществе.

Одной из стран, наиболее интересных с точки зрения оценки проблемы социальной транспарентности в свете темы личных границ, по понятным причинам выступает Китайская Народная Республика [23]. В Китае, где в настоящее время осложнена работа с популярными на Западе программами, весьма распространён мессенджер WeChat, который объединяет в себе задачи средства коммуникации и основную платёжную систему, прозрачную в том числе для госконтроля. «Миф» о прозрачном обществе, таким образом, имеет здесь значительное и совсем не виртуальное обеспечение.

Ещё в 2014 году Государственный Совет КНР представил «Программу создания системы социального кредита (2014–2020)», в рамках которой начались подготовка и реализация механизмов, позволяющих определять социальный рейтинг граждан по их активности в социальных сетях. В настоящее время данная инициатива применяется в тестовом режиме и охватывает несколько десятков городов (например, областной центр Ханчжоу) с перспективой распространения на территорию и население всей страны к 2020 году.

Китай, как известно, – довольно закрытая страна, поэтому уместно предположить, что до «внешнего» мира доходит лишь часть фактов. Но, даже основываясь на открытых источниках, можно констатировать, что система социального кредита работает, причём следующим образом: на каждого человека заводится аккаунт в открытой для просмотра базе данных и, в зависимости от поведения гражданина, осу-

ществляется добавление или вычет баллов, после чего с помощью алгоритмов производится расчёт социального рейтинга. В частности, учитываются такие факторы, как своевременность оплаты счетов за ЖКХ, погашение кредитов, соблюдение ПДД, наличие или отсутствие судимости, покупательские привычки, поведение в интернете. Высокий социальный рейтинг даёт возможность получить кредит с низкой процентной ставкой, забронировать номер в отеле класса «люкс» или поступить в престижный университет, тогда как люди с низким социальным рейтингом лишаются права купить билет на самолёт или скоростной поезд, отдать детей в частную школу или найти высокооплачиваемую работу. По информации «The Wall Street Journal», правительство Китая заявляет, что система социального кредита «позволит благонадёжным гражданам ходить там, где вздумается, и не даст дискредитированным ступить ни шагу» [8; 11; 19].

По существу, социальная транспарентность в приведённом выше примере сводит этическую составляющую поведения к легистским трактовкам, отождествляющим этику и право. «Растворение» личных границ как нерушимого и неотъемлемого «духовного ядра» человека (Н. Бердяев) позволяет «сдвигать» и «раздвигать» фреймы социальных агентов с помощью воздействия на них «извне». За социальными сетями, таким образом, вырастает призрак технологий манипулирования массовым сознанием, который может быть обличён как в собирательный образ «власти», так и в более понятный рядовому пользователю Сети вид нейронных сетей – одной из версий «искусственного интеллекта».

Однако верно и то, что управление, в том числе и манипулятивное, «по определению» входит в компетенцию власти. Именно поэтому властные технологии сегодня имеют тенденцию слияния с технологиями информационными, а изучение «общественного мнения» и закономерностей его функционирования выходит на первый план «социологии культуры». В то же время анализ ценностных оснований подобных перемен с позиций философии культуры позволяет констатировать начало очередного витка переосмысления сущности

и целей социальной организации жизни человека в соответствии с исторически конкретными особенностями текущей ситуации.

Выводы.

1. Социально транспарентная идентичность в теориях «прозрачного общества» и ANT соответствует одной из форм интерпретации глобальной идентичности. Имеется в виду форма зависимости от новых информационных технологий, не сопровождаемая принципиальными разночтениями ни в одном из культурных локусов своего распространения.

2. Теория «прозрачного общества» и ANT позволяют интерпретировать проблему идентичности как проблему технически подкреплённого распознавания. Социальная идентичность предстаёт в этом случае как принципиально транспарентная, слабо увязанная с установкой на обеспечение «закрытости» личных границ.

3. Концепт «личности» как «дара свободы» и принципиального ответственного осознания своих границ (в «классическом» понимании христианского персонализма) подвергается в обеих теориях радикальному пересмотру. Фактически концепт личности оказывается вытеснен и замещён концептом «социальной транспарентности».

4. Социальная транспарентность в теории «прозрачного общества» выступает обязательным следствием социального взаимодействия; тогда как в ANT речь идёт о транспарентности как условии сетевого взаимодействия.

5. Латентное присутствие темы свободы в разработке вопроса о социальной транспарентности и связанных с нею формах сетевой идентичности демонстрирует переход к новому пониманию роли и места темы свободы в социуме, основанном на высоких технологиях. Здесь легитимируется вторичность свободы по отношению к такой ценности, как безопасность.

6. Этическая и правовая интерпретации границ допустимого поведения индивидов и групп в этих условиях стремительно сближаются, что позволяет с определённой долей уверенности утверждать нарастание «дистанции власти» при видимом её уменьшении.

Список литературы

1. Белова И. С. Возможности личности в «прозрачном обществе»: взгляд очевидца (Джанни Ваттимо) // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 1. С. 234–238.
2. Белова И. С. «Ослабленное мышление» – метафизическая травма современной культуры: по мотивам Джанни Ваттимо // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2015. Т. 206. С. 244–253.
3. Васина Е. Самопрезентации индивида в сети: особенности языковых игр // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2016. № 14. С. 61–66.

4. Вахштайн В. С. Возвращение материального. «Пространства», «сети», «потoki» в акторно-сетевой теории // Социологическое обозрение. 2005. № 1. С. 94–115.
5. Ваттимо Дж. Прозрачное общество. М.: Логос, 2003. 128 с.
6. Войскунский А. Е., Евдокименко А. С., Федунина Н. Ю. Альтернативная идентичность в социальных сетях // Вестник Московского университета. Серия 14. «Психология». 2013. № 1. С. 66–83.
7. Войскунский А. Е., Евдокименко А. С., Федунина Н. Ю. Сетевая и реальная идентичность: сравнительное исследование // Журнал Высшей школы экономики. 2013. № 2. С. 98–121.
8. Галеон Д. (Dom Galeon), Берган Б. (Brad Bergan). Китайская «система социального рейтинга» будет определять ценность людей // ИноСМИ. 2018. Февр. URL: <https://www.inosmi.ru/amp/social/20180220/241513806.html> (дата обращения: 12.02.2019). Текст: электронный.
9. Глаголев В. С. Религиозно-этническое наполнение образов «свой» и «чужой» в динамике политической конъюнктуры // Диалог культур и партнёрство цивилизаций: XIV Междунар. Лихачёвские научные чтения. СПб.: СПбГУП, 2014. С. 362–365.
10. Глаголев В. С. Реализм анализа – исходное условие научной перспективности (содоклад) // Право и управление. XXI век. 2011. № 4. С. 12–18.
11. Гордеев А. Цифровая диктатура: как в Китае вводят систему социального рейтинга // РБК. 2016. Дек. URL: <https://www.ampr.rbc.ru/rbcnews/business/11/12/2016/584953bb9a79477c8a7c08a7> (дата обращения: 12.03.2019). Текст: электронный.
12. Гримов О. А. Самопрезентация и самоидентификация личности в социальных сетях // Психология и социология. 2013. Вып. 12. С. 34–39.
13. Даль Р. Демократия и её критики. М.: РОССПЭН, 2003. 567 с.
14. Душина М. О. Методы сетевой коммуникации в дигитальном обществе: бенчмаркинг, краудсорсинг, краудфандинг // Социология науки и технологий. 2014. № 1. С. 105–114.
15. Королева А. А. Трансформация социокультурной идентичности в условиях перехода к сетевому обществу (сравнительный анализ опыта России и Испании): автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. М., 2015. 27 с.
16. Латур Б. Надежды конструктивизма / пер. с англ. О. Столяровой // Социология вещей: сб. ст. / под ред. В. С. Вахштайна. М.: Территория будущего, 2006. С. 365–390.
17. Латур Б. Об интеробъективности // Социологическое обозрение. 2007. № 2. С. 79–98.
18. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Ин-т эксперимент. социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
19. Ляпин А., Пугачева А. Китай берёт граждан под тотальный контроль? // Коммерсантъ. 2018. Март. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3569200> (дата обращения: 12.02.2019). Текст: электронный.
20. Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке / под ред. Т. А. Шаклеиной, А. А. Байкова. М.: Аспект пресс, 2013. 448 с.
21. Мышкина М. С. Виртуальная самопрезентация как пространство личностной идентичности и мотивационно-смысловой интенции личности // Вестник Самарского государственного университета. 2015. № 7. С. 212–221.
22. Смирнова П. В., Цыплаков А. А. Самопрезентация и формирование социального капитала в деловых социальных сетях // Науковедение: интернет-журнал. 2016. Т. 8, № 6. URL: <https://www.cyberleninka.ru/article/n/samoprezentatsiya-i-formirovanie-sotsialnogo-kapitala-v-delovyh-sotsialnyh-setyah> (дата обращения: 12.02.2019). Текст: электронный.
23. Сухомлинова В. В. Альтернативный коллективизм: глубинные характеристики традиционного китайского общества // Манускрипт. 2018. № 9. С. 93–99.
24. Фуко М. Интеллектуалы и власть. Ч. 1. Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2002. 384 с.
25. Шилова Е. С. Социальная сеть как особый вид интернет-коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 5, ч. 1. С. 191–194.
26. Элазар Д. Дж. Европейское сообщество: между государственным суверенитетом и субсидиарностью, или Иерархия против коллегиальности в управлении Европейским сообществом // Казанский федералист. 2002. № 4. С. 57–78.
27. Alruwaili T. O. Self-Identity and Community Through Social Media: the Experience of Saudi Female International College Students in the United States. Dissertation: USA, 2017. 169 p. URL: <https://www.digscholarship.unco.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1399&context=dissertations> (дата обращения: 12.02.2019). Текст: электронный.
28. Back M. D. and all. Facebook profiles reflect actual personality not self-idealization // Psychological Science. 2010. No. 21. Pp. 372–374.
29. Brin D. The Transparent Society: Will Technology Force Us To Choose Between Privacy And Freedom? New York: Perseus Books, 1996. 378 p.
30. Callon M. Actor-network theory – the market test // The Sociological Review. 1999. No. 1_suppl. Pp. 181–195.
31. Callon M. Some elements of a sociology of translation: domestication of the scallops and the fishermen of St. Brieuc Bay // The sociological review. 1984. No. 1. Pp. 196–233.

32. Etzioni A. Is transparency the best disinfectant? // Journal of Political Philosophy. 2010. No. 4. Pp. 389–404.
33. Exnerova V. Introducing transnationalism studies to the field of public diplomacy // The Journal of International Communication. No 1. Pp. 1–14. URL: <http://www.dx.doi.org/10.1080/13216597.2017.1375419> (дата обращения: 12.02.2019). Текст: электронный.
34. Gündüz U. The Effect of Social Media on Identity Construction // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2017. No. 5. Pp. 85–92.
35. Hajnal Z. The Impossible Trinity of Security, Freedom and Privacy // Securitologia. 2016. No. 2. Pp. 131–145.
36. Law J. After ANT: complexity, naming and topology // The Sociological Review. 1999. T. 47, No. 1. Pp. 1–14.
37. Meijer A. Understanding modern transparency // International Review of Administrative Sciences. 2009. No. 2. Pp. 255–269.
38. Meijer A. Understanding the complex dynamics of transparency // Public Administration Review. 2013. No. 3. Pp. 429–439.

Статья поступила в редакцию 15.03.2019; принята к публикации 17.04.2019

Сведения об авторе

Силантьева Маргарита Вениаминовна, доктор философских наук, Московский государственный институт международных отношений; 119454, Россия, г. Москва, пр-т Вернадского, 76; e-mail: kfmngimo@gmail.com; ORCID: 0000-0002-9246-6339.

Библиографическое описание статьи

Силантьева М. В. Социальная транспарентность и личные границы: парадоксы глобальной культуры // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 4. С. 24–31. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-4-24-31.

References

1. Belova, I. S. Person's possibilities in "transparent society": a view of a witness (Gianni Vattimo). Yaroslavl Pedagogical Bulletin, no. 1, pp. 234–238, 2014. (In Rus.)
2. Belova, I. S. "Weakened thinking" – a metaphysical trauma of modern culture: based on Gianni Vattimo. Proceedings of St. Petersburg State University of Culture and Arts, v. 206, pp. 244–253, 2015. (In Rus.)
3. Vasina, E. Self-presentations of individual in the network: features of language games. Scientific Gazette of Belgorod State University. Series: Humanities, no. 14, pp. 61–66, 2016. (In Rus.)
4. Vakhshain, V. S. The return of the material. "Spaces", "networks", "streams" in actor-network theory. Sociological Review, no. 1, pp. 94–115, 2005. (In Rus.)
5. Vattimo, Dzh. Transparent society. M: Logos, 2003. (In Rus.)
6. Voiskunskiy, A. E., Evdokimenko, A. S., Fedunina, N. Yu. Alternative identity in social networks. Bulletin of Moscow State University. Series 14: Psychology, no. 1, pp. 66–83, 2013. (In Rus.)
7. Voiskunskiy, A. E., Evdokimenko, A. S., Fedunina, N. Yu. Network and real identity: a comparative study. Journal of the Higher School of Economics, no. 2, pp. 98–121, 2013. (In Rus.)
8. Galeon, D., Bergan, B. The Chinese "social rating system" will determine the value of people. InoSMI. 20.02.2018. Web: 12.02.2019. <https://www.inosmi.ru/amp/social/20180220/241513806.html>. (In Rus.)
9. Glagolev, V. S. Religious and ethnic filling of images of "one's own" and "someone else's" in the dynamics of political opportunism. Dialogue of cultures and partnership of civilizations. XIV International Likhachev Scientific Readings. SPb: SPGUP, 2014: 362–365. (In Rus.)
10. Glagolev, V. S. Realism of analysis – the initial condition of scientific perspective (co-report). Law and Administration. XXI Century, no. 4, pp. 12–18, 2011. (In Rus.)
11. Gordeev, A. Digital dictatorship: how China introduces a social rating. RBC. 11.12.2016. Web: 12.02.2019. <https://www.amp.rbc.ru/rbcnews/business/11/12/2016/584953bb9a79477c8a7c08a7>. (In Rus.)
12. Grimov, O. A. Self-presentation and self-identification of a person in social networks. Psychology and Sociology, vol. 12, pp. 34–39, 2013. (In Rus.)
13. Dal', R. Democracy and its critics. M: ROSSPEHN, 2003. (In Rus.)
14. Dushina, M. O. Methods of network communication in the digital society: benchmarking, crowdsourcing, crowdfunding. Sociology of science and technology, no. 1, pp. 105–114, 2014. (In Rus.)
15. Koroleva, A. A. Transformation of sociocultural identity in the transition to a networked society (comparative analysis of the experience of Russia and Spain). Cand. cult. sci. diss. abstr. M: 2015. (In Rus.)
16. Latur, B. Hopes of constructivism. Sociology of things: collection of articles. Ed. Vakhshayn, V. S. M: Territoriya budushchego, 2006: 365–390. (In Rus.)
17. Latur, B. On Interobjectivity. Sociological Review, no. 2, pp. 79–98, 2007. (In Rus.)

18. Liotar, Zh.-F. The state of the postmodern. Translation from French Shmatko, N. A. M: «Institut ehksperimental'noi sotsiologii»; SPB: Aleteiya, 1998. (In Rus.)
19. Lyapin, A., Pugacheva, A. China takes citizens under total control? Kommersant. 09.03.2018. Web. 12.02.2019. <https://www.kommersant.ru/doc/3569200>. (In Rus.)
20. Megatrends: The main trajectories of the evolution of the world order in the XXI century. Ed. Shakleina, T. A. and Balikov, A. A. M: Aspekt press, 2013. (In Rus.)
21. Myshkina, M. S. Virtual self-presentation as a space of personal identity and motivational-semantic intention of the personality. Bulletin of Samara State University, no. 7, pp. 212–221, 2015. (In Rus.)
22. Smirnova, P. V., Tsyplakov, A. A. Self-presentation and formation of social capital in business social networks. Internet-journal Naukovedenie, t. 8, no. 6, 2016. Web. 12.02.2019. <https://www.cyberleninka.ru/article/n/samoprezentatsiya-i-formirovanie-sotsialnogo-kapitala-v-delovyh-sotsialnyh-setyah>. (In Rus.)
23. Sukhomlinova, V. V. Alternative collectivism: deep characteristics of traditional Chinese society. Manuscript, no. 9, pp. 93–99, 2018. (In Rus.)
24. Fuko, M. Intellectuals and power. Part 1. Selected political articles, speeches and interviews. M: Praxis, 2002. (In Rus.)
25. Shilova, E. S. Social network as a special type of Internet communication. Philological sciences. Questions of theory and practice, no. 5, p. 1, pp. 191–194, 2018. (In Rus.)
26. Ehlazar, D. Dzh. The European Community: Between State Sovereignty and Subsidiarity or Hierarchy Against Collegiality in Managing the European Community. Kazan Federalist, no. 4, pp. 57–78, 2002. (In Engl.)
27. Alruwaili, T. O. Self-Identity and Community Through Social Media: the Experience of Saudi Female International College Students in the United States. Dissertation. USA. 2017. 169 p. Web. 12.02.2019. <https://digscholarship.unco.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1399&context=dissertations>. (In Engl.)
28. Back, M. D. and all. Facebook profiles reflect actual personality not self-idealization. Psychological Science, no. 21, pp. 372–374, 2010. (In Engl.)
29. Brin, D. The Transparent Society: Will Technology Force Us To Choose Between Privacy And Freedom? Paperback. N.-Y: Perseus Books, 1996. (In Engl.)
30. Callon, M. Actor-network theory – the market test. The Sociological Review, no. 1_suppl., pp. 181–195, 1999. (In Engl.)
31. Callon, M. Some elements of a sociology of translation: domestication of the scallops and the fishermen of St Brieuc Bay. The sociological review, no. 1_suppl., pp. 196–233, 1984. (In Engl.)
32. Etzioni, A. Is transparency the best disinfectant? Journal of Political Philosophy, no. 4, pp. 389–404, 2010. (In Engl.)
33. Exnerova, V. Introducing transnationalism studies to the field of public diplomacy. The Journal of International Communication, no. 1, pp. 1–14, 2017. Published online: 19 Sep 2017. Web. 12.02.2019. <http://www.dx.doi.org/10.1080/13216597.2017.1375419>. (In Engl.)
34. Gündüz, U. The Effect of Social Media on Identity Construction. Mediterranean Journal of Social Sciences, no. 5, pp. 85–92, 2017. (In Engl.)
35. Hajnal, Z. The Impossible Trinity of Security, Freedom and Privacy. Securitologia, no. 2, pp. 131–145, 2016. (In Engl.)
36. Law J. After ANT: complexity, naming and topology. The Sociological Review, no. 1, pp. 1–14, 1999. (In Engl.)
37. Meijer, A. Understanding modern transparency. International Review of Administrative Sciences, no. 2, pp. 255–269, 2009. (In Engl.)
38. Meijer, A. Understanding the complex dynamics of transparency. Public Administration Review, no. 3, pp. 429–439, 2013. (In Engl.)

Received: March 15, 2019; accepted for publication April 17, 2019

Information about author

Silantieva, Margarita V., Doctor of Philosophy, Moscow State Institute of International Relations; 76 Vernadskogo ave., Moscow, 119454, Russia; e-mail: kfmgimo@gmail.com; ORCID: 0000-0002-9246-6339.

Reference to the article

Silantieva M. V. Social Transparency and Personal Boundaries: Global Culture Paradoxes // Humanitarian Vector. 2019. Vol. 14, No. 4. PP. 24–31. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-4-24-31.